

ТУАРЕГ

ЗОЛОТОЕ ПРОКЛЯТИЕ

Иман Кальби

18+

Иман Кальби
Туарег. Золотое проклятие
Серия «Женщина Туарега», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67335968

SelfPub; 2022

Аннотация

Она научилась жить без него... Ей казалось, что она даже счастлива... Все ее иллюзии рассеялись, стоило их глазам снова пересечься... Они опять будут падать в пучину порока, соблазна и страсти, вот только какую цену им придется заплатить за запретную любовь... Современный Ближний Восток. Очень откровенно.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	23
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Иман Кальби

Туарег. Золотое проклятие

Глава 1

«На первых порах вся она – только пустота и безмолвие, но это потому, что она не открывается первому встречному. Ведь и в наших краях любая деревушка таит свою жизнь от стороннего глаза. И если не оставить ради нее весь мир, не сжиться с ее исконными обычаями, нравами и распрями, никогда не поймешь, что она для тех, кому она – родина». – Он знал эти строки-завет великого французского философа Антуана де Сент-Экзюпери наизусть... И всегда поражался, как человек из другой культуры, из другого мира, мог так чувствовать Ее... Великую, бескрайнюю, загадочную... Пустыню... Ответ настиг ее многим позже, когда он открыл для себя удивительную истину- на свете были люди, рожденные в разных странах, с разным цветом кожи, менталитетом, с разными судьбами, но все они были при этом объединены в удивительную общность... Всех их по какой-то странной, неизвестной причине тянула к себе Пустыня... Эта общность образовывала между этими людьми магическую, почти сакральную связь... Она была сильнее многих условностей. Она была сильнее цивилизационных правил приличия... Она про-

сто связывала и все... Связывала невидимыми путами раз и навсегда, делая из чужих людей братьев не по крови, но по духу... Или повенчанных... Повенчанных песками... Пеклом... Бесконечностью...

Таким человеком для него стала Иштар... Она ворвалась в его жизнь вихрем песка, шквалом самума, по силе равному цунами на море... И когда он смотрел в ее глаза, он знал, что это мактуб, что это судьба, что это его дорога- и ее дорога, переплетенные воедино... И пусть эти дороги проходили по хребтам барханов, танцующих по воле ветра и постоянно меняющих свои очертания, он знал, что этот путь будет общим...

Знал уже тогда, когда она бросила на него игриво-лукавый взгляд, газуя на своем мотоцикле и оставляя позади в облаке песка. Знал, когда спасал ее от лап похотливых уродов, наслаждающихся ее унижением и красотой невинной плоти в шаге от того, чтобы испачкать, растоптать, порвать... Знал, когда погружался в тревожный сон, чувствуя ее запах и тепло за завесой из верблюжьей шкуры, служившей между ними единственной физической преградой... Знал, что интерес и судьба приведут ее к нему, заставят прикоснуться к его тлеющей в жажде ее прикосновений коже... Знал, когда подминал под себя и делал своей... Знал, когда мечтал запрягать свое серебряное сокровище от всех глаз мира в своем доме в оазисе. Знал, когда жадно, до истощения и охрипшего голоса любил ее, ослепленный одной только мыслью о том,

что она может принадлежать другому, быть с другим, любить другого... Когда туарег любит, он читает стихи на тифинаге (прим.— консонантное письмо, используемое для записи берберских языков) своей возлюбленной. И он читал... Шептал ей, изможденной, залюбленной, заласканной в его руках после ночи сумасшествия, когда точно знал, что больше никогда ее не отпустит от себя, когда прижимал ее тонкий стан к своему мускулистому телу и чувствовал, как кожа покрывается мурашками от одного только их соприкосновения, когда одевал на ее ногу тот самый браслет... Браслет любви, как называла его ее мать... В той, другой жизни...

Белькасем был уже достаточно взрослым мальчиком, чтобы помнить день, когда мать ушла от отца... Это произошло тогда, когда он привел в дом вторую жену... Не прошло и пары дней, как он сбежал в пустыню к матери... Она вернулась к своему племени, принятая с распростертыми объятиями, как того требовали традиции туарегов. Те никогда и ни при каком раскладе не осуждали женщин, зная, что женское сердце знает лишь одну истину-любовь. Любви оно и верит... Женщина туарегов вправе была уйти от мужчины, вернуться в семью, забрать детей...

Когда в тот же день к вечеру Кадаф ворвался в лагерь на нескольких внедорожниках в поисках Луньи, разговаривать к нему вышел аменукал, вождь племени.

—Уезжай. Здесь больше нет женщины, которая тебе принадлежит...

–Позовите ее!-кричал он,– Лунья!-адресовывал в небо, разрывая его безмятежный покой своим отчаянным криком.– Вернись! Ничего не изменилось! Я люблю тебя! Я сделал этот ради нас, чтобы дать вам всем большего! Ты будешь королевой! Моей королевой!

Она не вернулась... Она больше ни разу даже не заговорила с ним...

Белькасем тоже не хотел, но Лунья требовала обратного...

–Он твой отец, сынок... Мои отношения с ним значения не имеют...

–Он сделал тебе больно...

–Нет, мальчик мой... Это судьба... Твой отец не виноват... Так было предначертано...

– Ненавижу его! Ненавижу!

–Не надо ненавидеть, мой отважный Туарег! Ненависть-глупое чувство... Чувство слабых и отчаянных. Тех, кому нечего терять...

–Как ты можешь так говорить? Ты сама не ненавидишь?

–Нет, Белькасем. Мне есть что терять... Не хочу терять память о том, что было... Я любила... И люблю... Всегда буду любить, но теперь на расстоянии... Но от этого моя любовь не станет меньше...

–Тогда почему ты не с ним, мама? Он говорил, ты будешь его королевой... Что он сделал это для тебя...

–Я больше никогда не буду его королевой, мой мальчик Кассум... Для того, чтобы быть королевой своего мужчины,

трона не нужно... Достаточно его сердца... А сердце твоего отца давно и безвозвратно продано за золото... Вот его истинная королева- толстая золотая жила его приисков...

–И что же дальше?

–Дальше мы пойдем по жизни, как пески одного бархана... В разные стороны...

Он знал, она говорила правду... Мама никогда не врала... И никогда не показывала свою слабость. Только когда наступала ночь, а он претворялся, что уже давно и глубоко спит, она слегка, до щиколотки, поднимала подол своего платья и трогала пальцами тонкий серебряный браслет на ноге, подарок Кадафа, тихо плача и напевая себе под нос красивую и грустную песню...

Спустя годы все, что у него останется от матери- этот самый браслет... Спустя годы он выучит тифинаг и сможет прочитать то, что было на нем написано... Самое простое признание в любви, которое только может существовать в этом мире... Самое красивое признание в любви, которое только может существовать в этом мире... Самое искренне признание в любви, которое только может существовать в этом мире...

«Ты нужна мне, как вода»...

Он закрывает глаза и вспоминает ее последний поцелуй. Нежный, проникновенный, искренний. Ее тихое, на выдохе «спасибо» с чуть приподнятыми уголками пухлых губ.

Ее нежное дыхание, свежее, мятное, влекущее своей сладостью... В тот момент, когда она повернулась к нему в машине, чтобы попрощаться и пересесть к Мариам, он не понял, что это прощание навсегда... И все же в сердце тогда что-то ёкнуло. Он принял это за банальное нежелание отпускать ту, кого его внутренний зверь уже нарек самкой, подальше от себя. А это его душа уже все знала и прощалась с ней... Так часто бывает... Мы вдруг чувствуем что-то странное, неподвластное нашему пониманию... Называем это интуицией... Банально, поверхностно... А все ведь намного глубже... Это наши души отвечают сердечной болью, зная то, что будет неизбежно... Предчувствуют, предсказывают, нашептывают нам...

Он припарковался у помпезного входа в дом брата. Взял букет с заднего сидения машины. Несколько шагов - и он уже внутри. Многие, кто знают его, почтено расступаются. Он идет вперед, зная и чувствуя, что сердце сейчас все равно что-то выдаст... Выхватывает ее тонкий силуэт. Она в серебряном платье в пол. Все такая же ослепительная. Еще более женственная и влекущая. Платина волос сверкает так, что затмевает солнце...

Она немного приподнимается на цыпочках, хоть ее ноги и обхвачены тонкой змейкой серебристых босоножек на каблуках в цвет платья, протягивает свои изящные руки к лицу брата, нежно касается его рта кончиками своих губ и шепчет тихо «спасибо»... А его как молнией прошибает... Он чита-

ет по губам, понимает то, что она говорит, даже на расстоянии... И в голове совсем другие кадры- как это она его вот так же касалась, вот так же ему шептала...

Пару месяцев назад он бы почувствовал удар... Пропустил бы через себя эту боль... Словно от клинка кинжала по самую рукоятку... А теперь... Теперь все равно... Теперь на нем снова броня... Усмехается сам себе... Нет, он больше не позволит этой боли его разрушать... Она-лишь мираж... Рассеялась с первым ветром, словно никогда и не было... Прошло, прошло... Еще шаг- и она, должно быть, чувствует на себе его взгляд... Мгновение- и их глаза встречаются. И он теперь смотрит на нее так, словно собрал все пренебрежение и равнодушие во всем мире вместе взятые...

Глава 2

Она уже привыкла так жить... Энергичным настоящим, до краев переполненным планами и делами... Оптимистичным будущим- в котором бы реализовались все эти планы... Только с прошлым все никак не ладилось...

Нет-нет, все у нее было хорошо... Она по-своему даже была счастлива... Марокко постепенно раскрывал перед ней все свои яркие краски, все больше завлекая и очаровывая. Удивительная страна заката, арабского магриба, страна колдунов, смельчаков и пижонов, как любил говорить в шутку ее отец... Все было в этих краях- и остроконечные горы с затерянными на их вершинах деревеньками, одевающиеся зимой в снежные покровы, а весной утопающие в маковых поцелуях... И шумные, энергичные города, стремящиеся всеми фибрами в будущее... И старинные, словно затерянные во времени, места с богатой историей и колоритом... И пустыня... Великая пустыня...

Вот только пустыню Иштар отныне избегала... Слишком сильно, отчетливо она ассоциировалась у нее с Ним... Слишком много знала ее потаенных секретов... Бесстрашная, бесстрастная, безжалостная... Говорящая с тобой на уровне вибраций обреченным гулом... Каким-то неизбежным, судьбоносным, обреченным...

Она научилась подстраиваться под Луэйя, научилась быть

для него идеальной женой. Научилась любить его по-своему, подмечать достоинства и ценить их... Оказалось, его внутренний зверь действительно был не таким уж страшным и пугающим... Да, Луэй мог быть нетерпеливым, иногда бесцеремонным, нетерпимым и категоричным в плане отказов: если он хотел близости, она была обязана ему ее дать... И в то же время, и он старался, чтобы ей было хорошо, старался учитывать ее желания, ее потребности, ее пристрастия... Им было интересно друг с другом, весело и нетривиально... Что еще нужно для молодой пары?

Секса в их жизни было много, но одно неизменно удивляло девушку - он никогда не переходил определенной черты, каких-то внутренних, личных табу, установленных согласно собственной логике. Особенно много этих самых табу и запретов, как ни странно, у него было в половой жизни... Он не позволял делать ей минет и никогда не делал ей кунилингус сам. Разговор на эту тему у них был только однажды - Иштар в лоб спросила, чего бы еще он хотел от нее получить в постели, сама предложила попробовать... Дуреха Кейт посоветовала, мол, мужчинам это нужно - зачем ждать, что он пойдет получать это на стороне... Тем более, что Таша помнила тот самый разговор мужа с кузиной-любовницей Лямис в их доме... Реакция Луэйя обескуражила... Он посмотрел на нее с упреком, укором, даже, может быть, на грани осуждения...

-Ты мать моих будущих детей, Иштар... Этими губами

ты будешь целовать моего сына... И я своими губами буду целовать... Как ты о таком могла вообще подумать? Ты не какая-то там низкая шлюха... Тебе чего-то не хватает, Таша? Я тебе чего-то не даю?

Нет, ей не было мало... Напротив, иногда «этого» было даже больше, чем нужно... Во всем, что касалось классического секса, Луэй оказался максимально изобретателен и активен. Он любил брать ее сзади, яростно, до боли в промежности и слабости в ногах вколачиваясь в нее, с силой кусая за шею. Любил связывать ее, делая полностью беспомощной... Иногда он клал ее на кровать, привязывал руки к изголовью, а потом уходил, заставляя себя ждать по нескольку десятков минут в таком обездвиженном состоянии... Иштар, пожалуй, и забыла то время, когда на ее теле не было синяков от его нетерпеливых рук или засосов...

Она привыкла к его запаху, к его дыханию, успела изучить его повадки- когда ему с ней очень хорошо, когда он приближается к оргазму, когда хочет от нее большей отдачи и инициативы... Вот только феерии их постельная жизнь у нее, как она ни старалась себя убедить и настроить, не вызвала... Часто после секса она стояла напротив зеркала в ванной и смотрела на свое отражение под планомерное журчание воды в кране, задаваясь единственным вопросом- почему? Почему у нее так редко получалось с ним достигать оргазма? Почему она не могла расслабиться и отдаться эмоциям до конца, несмотря на то, что мужчина в ее постели

был опытен, привлекателен и так сильно ее хотел...

Когда было совсем плохо, она открывала закрытую на замок шкатулку и держала в руках серебряный браслет... Ее веки сами опускались, прикрывая глаза и унося ее в прошлое... Запах костра и верблюжьей кожи, песчинки на губах, усталость, разливающаяся по всем мышцам сразу... Она помнила его поцелуи, помнила его дыхание... Его глаза- вечность, растворенная в черном омуте...

Ей показалось, что у нее почти получилось... Что не было больше этой свербящей боли в сердце, этого груза... Что она почти свободна от изматывающего чувства тоски по нему... Время все лечит... И это тоже пройдет... Она повторяла эти слова снова и снова- и уже почти уверовала в них...

Вот только с нашей верой так всегда... Сначала долго-долго ее пестуешь и лелеешь, а потом достаточно одной-единственной встречи, чтобы снова ее разрушить...

Когда Иштар повернула голову на вход и увидела Туарег, ее мир снова начал рушиться, распадаясь на маленькие кирпичики, которые она так упорно и старательно возводила, скрепляя цементом стабильности и правильности своего выбора... Вот только все это было зря... Зря, когда увидела его крепкий торс, жилистые смуглые руки, волевой подбородок, густые волосы... И глаза... От которых теперь веяло лишь отчужденностью и презрением...

Он небрежно держал в руках большой букет красных роз.

Подошел размашисто к Луэйю и Иштар, протянул ей цветы, едва удостоив взгляда глаза в глаза. Перед девушкой сейчас был не Туарег, а старший брат мужа, Белькасем, с которым, как он сам ей сказал в тот день, когда они в последний раз разговаривали откровенно тет-а-тет, *Туарега не существует... Есть только Белькасем... Старший брат ее мужа, о котором многое ей знать вовсе и не обязательно...* Так сейчас и было... Чужой мужчина на ее празднике... Отбывший повинность только потому, что об этом попросил Луэй. Она узнала это от самого мужа. Когда тот, тоже завидев издали брата, поспешил сказать жене, что он пригласил его на мероприятие, так как тот, наконец, вернулся с Тенерифе и они давно не виделись...

Братья сердечно обнялись. Белькасем сказал пару дежурных фраз-комплиментов по поводу вечеринки. Перевел взгляд на Иштар, наконец, но все так же равнодушно-спокойно произнес.

–Как принцессе жизнь в Марокко? Осваиваетесь?

Таша не могла вымолвить ни слова. Во рту стало вязко. Она нервно сглотнула и, смущенно улыбнувшись, утвердительно кивнула.

Белькасем, казалось, вовсе и не ожидал от нее какого-то ответа, потому что его внимание тут же было отвлечено кем-то из знакомых или родственников, которые увидели его и быстро подскочили поприветствовать.

В ушах Иштар звенело. Во рту почему-то был горько-ме-

таллический привкус, словно от крови. А может это и была кровь. В детстве за ней была дурацкая привычка кусать щеку, когда волнуешься... Наверное, сейчас произошло то же самое, только она не заметила, не обратила внимание, полностью поглощенная муками своего сердца... Не прошло и минуты, как Туарег растворился в толпе. А она все еще стояла, чуть покачиваясь от внезапного головокружения, под руку с мужем, оживленно ей что-то рассказывающим. В голове отбивала лишь одна мысль- вот и поговорили, вот и поговорили...

Глава 3

Соприкосновение горячей воды с кожей, напряженной, в мурашках, ждущей заветного тепла и расслабления от живой влаги. Тропический душ нежно отстукивает щедрыми каплями по стенам фаянса и мрамора, устремляясь ручьями в хромовый слив, она откидывает голову, жадно хватая теплую влагу ртом. Теперь вода и на волосах, и Иштар чувствует, как вместе с ней по ним стекает негативная энергетика сальных взглядов и зависти за минувший день- неизменный спутник всех людей ее положения... Очищение, катарсис, обнуление... Теперь ей легче, теперь снова есть, чем дышать. Она со всей силы жмурится- и руки сами тянутся к собственной груди. Сжимает так, как Он бы сжал- сильно, но не до боли... Цепляет ногтями соски, отчего они скручиваются в узел, а пальцы на ногах поджимаются, спускается руками ниже, по животу, чтобы нырнуть пальцами между ног...

–Шалунья...– слышит сзади его хриплый голос на фоне скрежета открывающихся прозрачных дверей душа. Вздрагивает и напрягается тут же, выныривая из своих эмоций и ощущений...– что ты тут делаешь без меня?

Теперь на ее теле другие руки... Более настырные, более жесткие, чужие... Ах, нет, не чужие... Руки ее мужа... Это он сейчас рядом... Тот, кто и должен быть, и физически, и

ментально...

–Кого представляешь?–шепчет горячо, но колюче, порывисто, у нее возле уха.

Он возбужден, сильно... Она чувствует это по каменной горячей твердости, упирающейся в ее бедро.

–Кого еще, тебя...– нервный смешок срывается с губ, словно она боится, что он поймал ее с поличным, что он догадался обо всём...

–Горячая девочка... Я тоже весь вечер думал о том, как нагну тебя вот так,– тут же реализует то, что сказал, надавливает решительно на шею и заставляет согнуться в талии. Вода теперь хлещет по ее позвоночнику, нагло стекая по выставленным ягодицам.

Хриплое дыхание сзади, захват кулака на мокрых волосах, которые он стягивает в жгут, по ходу выжимая, одновременно притягивая ее к себе и входя.

–Дааа, каткута (араб.– котенок), даа, моя сладкая...– резкие толчки. Болезненные и порывистые, но она уже привыкла подстраиваться, научилась расслабляться и давать ему власть над своим телом...

Луэй быстр и резок. На этот раз даже чрезмерно... А она как ни настраивается, не может поймать момент, когда получается уйти в свою реальность, раствориться в фантазиях и воспоминаниях... Никак...

–Хильв, хабибти (араб.– сладко, любимая), бхиббак мут (люблю тебя до смерти)...

Бихиббак мут... Он так часто теперь говорил ей эту фразу... Люблю до смерти... И почему-то, когда его взгляд темнел от вожделения в порыве страсти, ей уже вовсе и не казалось, что это языковая форма... Иногда Иштар и правда верила, что он может убить...

Сглотнула нервный комок напряжения. Дала ему дойти до пика... Самой же хотелось побыстрее выйти из душа, который теперь не ласкал кожу, а болезненно хлестал по коже навязчивыми потоками...

Облегченно выдыхает, когда он отстраняется, быстро целует ее в макушку и выходит из-под струй первым. Иштар дожидается, когда он покинет ванную, а потом не спешит тоже это сделать. Долго, до покраснения кожи, вытирается махровым полотенцем, сушит голову до состояния сухой соломы, не обращая внимание на то, как горячие потоки воздуха обжигают кожу... Берет себя в руки и делает шаг наружу.

Луэй расслаблен, как, впрочем, и всегда после секса... Снова весел, непринужден, галантен. Он разговаривает по телефону, посылая ей воздушный поцелуй.

—Да, йа ахи (араб.-мой брат), непременно... Договорились. Тамам (араб.— хорошо).

На другом конце слышен плотный мужской баритон, слов не разобрать, но ее сердце неизменно заходится. Это он звонит? Зачем она об этом думает, только зачем...

Лу слушает, а потом отпускает веселый смешок. Снова

прощается. Кладет, наконец, смартфон на тумбочку.

Поворачивается к жене, прикуривая сигарету.

–Что, каткута?

Иштар вздрагивает. И пускай он часто спрашивает ее именно так- по поводу и без, сейчас как-то особенно все напряжено, на изломе... Она словно преступница, которая, затаив дыхание, ждет подвоха... Подставы...

Пожимает плечами, как ни в чем не бывало...

–Что? Ничего...-лепечет себе под нос.

–Ничего...– повторяет он, делая пару затяжек и небрежно выкидывая еще горящий бычок в окно.

Подходит сзади, обнимает...

–Мне нужно на пару дней на Тенерифе...

Иштар вздрагивает... Тенерифе... Сколько воспоминаний, сколько всего, связанного с этим островом... А еще Лямис... Сглатывает. Не то, чтобы была ревность... Просто... Неприятно...

–Понятно...– выдавливает из себя насилиу.

Лу хмыкает.

–Таша... Что такое?– целует мочку уха.

–Ничего, Луэй. Говорю же, ничего...

Он вздыхает, прижимая ближе.

–Возьму тебя с собой... Если думаешь, что...

–Ничего не думаю...– отодвигается от него, -поезжай... У меня дела... На этой неделе очередное выступление в Университете Касабланки. Приезжает мой научный руководи-

тель из Великобритании... Мне необходимо быть здесь...

–Хорошо...– выдыхает Луэй. –Постараюсь вернуться как можно быстрее... Я бы и не поехал, но брат попросил... Есть пару важных вопросов, которые стоит решить...

Сердце Иштар снова заходится в нервном беге. Отходит к трюму, чтобы подальше, чтобы не видел ее возможно читаемого смятения... берет гребень со столешницы из желтоватого, в прожилках, оникса, начинает расчесывать волосы.

–А твой брат живет преимущественно на Тенерифе?-вопрос сам собой срывается с ее губ.

–Кассум? Да как сказать, он вообще много где живет... Как ветер... Сегодня там- завтра здесь... Вечно у него в голове какие-то свои расчеты и планы... За ним и не угонишься...

Лу говорил о брате с неподдельным восхищением, очевидной любовью...

–Я всегда мечтал его понять... Да как-то так до конца никогда и не получалось... Белькасем весь состоит из парадоксов... Ему бы сесть на трон, по крайней мере, уверен, отец бы того хотел, а он...– последние слова прозвучали не без искорок боли, стреляющих от потаенных углей у него в душе...

Иштар невольно почувствовала это напряжение. Не могла не почувствовать...

–У вас разные матери...

–Разные...– задумчиво продолжил Луэй...– Мать Белька-

сема была первой женой отца... ну как женой... Она была из племени туарегов... Им не писаны законы, ты же знаешь... Как только отец женился на моей матери, ушла от него... А он... Он продолжал волочиться за ней, как собачонка...

—Луэй, не говори так...— перебила его Иштар.

Муж вздохнул.

—Я знаю, о чем говорю, Иштар... Как бы там ни было, это он позволил женщине так себя вести... Достойные мужчины не позволяют, чтобы их жены вили из них веревки, уходили и приходили, когда пожелают... Что значит, она не приняла его второй жены? Кадаф был непростым мужчиной. Выбор им моей матери- это не какая-то блажь... Это дело государственного масштаба... А там... Там примитивизм и косность... Необразованность и принципиальность...

—Она ведь погибла, да? Я про мать Белькасема... Я что-то слышала краем уха...— словно невзначай спросила Иштар. Этот разговор сильно ее нервировал... На уровне инстинктов, фибров, подсознания она чувствовала волнение... Ладошки потели...

Очевидно, она нащупала болезненную мозоль всей семьи...

—Погибла, да... Но... До этого успела... Ладно, впрочем, не хочу сейчас об этом... Я пойду... Перед отъездом надо переговорить с братом... Он ждет меня в городе...

Иштар молча кивнула... Остаться сейчас один на один со своими мыслями было лучшим вариантом на вечер...

Глава 4

–Госпожа Иштар, этот круглый стол очень важен для нашего университета, мы были бы счастливы, если бы Вы приняли в нем участие. Извините за поспешность, просто идея о его проведении возникла спонтанно не было возможности предупредить Вас раньше,— услужливо, несколько заискивающе хлопотала рядом декан факультета международных отношений Университета Касабланки.

–Нет, принципиально я за, просто... Не понимаю, при чем здесь международные отношения и опустынивание, Вы уж поймите, моя специальность довольно узкопрофильна...— растерянно отвечала Иштар, искренне не вникая в логику сотрудницы университета.

–Ваше высочество, идея в том, чтобы попытаться проанализировать вызовы для современной модели управления нашим государством, исходящие от пустыни. Будут специалисты, которые выскажутся за антропогенный фактор- проанализируют влияние племенных процессов на власть и политические процессы. Вы же выступите не в роли спикера, а скорее эксперта-аналитика. В случае необходимости, если встанет вопрос из Вашей компетенции, озвучите свое мнение... Нам это очень важно,— искренне, по-собачьи заглядывая в глаза Иштар, добавила женщина,— Вы очень популярны среди местной молодежи, понимаете... Вы друг нашего универ-

ситета... Мероприятия всегда приобретают совсем другой окрас, когда участие в них принимаете Вы или Ваш супруг...

Иштар про себя усмехнулась. И то правда. Она тут же представила физиономию своей свекрови, если бы та сейчас услышала слова представительницы университета. Впрочем, Ваад- уже пройденный этап... По крайней мере, сейчас змея понимает, что преимущество на стороне Иштар, в всех смыслах, в том числе и в плане внимания и привязанности Лу-эйя...

Конечно, она согласилась. Хотя бы потому, что правило хорошего политика гласило, что поддерживать нужно даже самые нелепые инициативы, если они обращены в твою пользу. Это сохраняет лояльность людей. Тем более, что Лу отписался, что вернется в Марокко не раньше конца недели. Никакой общей повестки не было. Можно было посвятить время самопиару...

В обозначенный день она приехала в кампус университета. Ей приятно было находиться в этом большом, залитом светом здании с огромными стеклянными стенами в пол. Иштар любила академическую атмосферу, пусть в наше время она была такой полярно разной... Вспоминались годы ее учебы в Англии, основанные на добрых традициях, уходящих своими корнями в Средневековье... Монументальные готические здания, полки старинных книг до потолка, щеко-чущие нос сладковато-пряным запахом старого клея и темно-зеленых и вишневых кожаных обложек с позолоченным

кантом. Приглушенный свет ламп в читательском зале... С другой стороны, футуризм- компьютеризация, минимализм деталей просторных учебных помещений, лаконичность линий которых сглаживалась лишь зелеными насаждениями в модных кадках. Объединяли эти два полюса две вещи- запах не очень качественного, но так любимого студентами бюджетного растворимого кофе из слот-машин и тяга к знаниям, отчаянная, азартная, с захлебом... Ради этого чувства она была готова снова и снова возвращаться в стены университета, и не важно, было ли это ее Альма матер (прим. лат.- родной университет), или же учебное заведение, где ей выпала доля лишь выступать или преподавать... Студенческое братство на то и студенческое братство, чтобы источать одинаковую энергетику и вайб...

Строгий черный костюм с юбкой-карандаш чуть ниже колен, аккуратно убранные за уши волосы, стук острые черных шпилек по мрамору пола, минимум макияжа и украшений.

Она зашла в сопровождении помощника в зал и заняла приготовленное для нее место за большим круглым столом. Не пытаясь перебить оживленный гул собирающихся в аудитории студентов сзади, вежливо поздоровалась с уже расположившимися в зале гостями-спикерами и экспертами. Кого-то она шапочно знала- тоже профессора, видные журналисты и политологи. Краем глаза поймала пробегающую в деловитом напряжении декана факультета, взбудораженную подготовкой.

–Вот-вот начинаем, в ожидании одного из главных спикеров. Он уже приехал и поднимается. Честно говоря, даже не рассчитывали, что он согласится.. А тут... Какая удача...-бубнила она то ли себе под нос, то ли бегущей рядом ассистентке...

Через пару минут двери распахнулись, пропустив внутрь статную фигуру Белькасема. Иштар удивленно подняла на него глаза и замерла, почувствовав, как тело сковывает уже знакомое состояние тотального напряжения.

Он пересекся с ней глазами не сразу, сначала отстраненно, с очевидным чувством превосходства, осмотрев зал. Иштар ненароком заметила, как возбужденно-взбудораженно зашептались студентки, завидев столь примечательного мужчину. Мальчишки, казалось, тоже затаили дыхание. По крайней мере, всего минуту назад гудящий от оживленной болтовни зал затих... Когда глаза Таши и Белькасема пересеклись, на лице мужчины не дрогнуло ни одного мускула. От чуть заметно кивнул и тут же переключил все свое внимание на декана, которая взяла первое слово, чтобы начать дискуссию и представить спикеров и экспертов. Девушка глубоко вдохнула, пытаясь успокоиться. Нужно ведь было что-то говорить, вслушиваться, соображать... А как, если сейчас все внутри было приведено в состояние броуновского движения...

Иштар не могла сосредоточиться на его словах. Его присутствие завораживало, его голос гипнотизировал. Она смотрела на эти губы, полные, чувственные, слегка капризные. Вспоминала... Эти жилистые сильные руки, вальяжно сжимающие карандаш... Память подбрасывала ей мысли о том, что еще умели делать эти самые руки... Во рту пересохло. Не спасал даже стакан воды, который она уже успела осушить наполовину...

Он больше так и не посмотрел на нее... Ни раз... Так и не удостоил больше своим вниманием... Зато все внимание зала, казалось, было сосредоточено на нем... Из того, что все-таки успевало долетать до сознания Таши, она запомнила, что Туарег говорил что-то о мудрости древних народов, которые населяли пустынные земли задолго до того, как появилось современное понятие государства, что их тысячелетиями существующий родоплеменной строй не может быть трансформирован и переделан всего за какие-то несколько десятилетий, в течение которых существует современное Марокко, да и все другие государства региона, созданные в результате распада колониальной системы. Что мудрость государства- не ломать, а, напротив, инкорпорировать, сохраняя разнообразие...

—Позвольте не согласиться,—услышала выпад от соседки по круглому столу Иштар и невольно дернулась... Она уже успела привыкнуть к том, что говорил в основном Белькасем, а другие либо поддакивали, заглядывая с придыханием

ему в рот, либо молча кивали, предпочитая, как сейчас говорят «работать на прием» информации... И тут вдруг голос, резко диссонирующий с привычной тональностью...

Иштар повернула голову. Женщина. Явно, старше ее самой лет на семь, не меньше. Ухоженная. Самоуверенная. Очевидно, умная... Интеллект читался на ее лице, равно как и вера в свои силы и... в свою привлекательность. Жгучие черные волосы средней длины, уложенные в аккуратную, стильную укладку с флером легкой небрежности, красное платье по фигуре, достаточно строгое, чтобы не вызвать вопросов у моралистов, достаточно яркое, чтобы они возникли у тех, кто эту самую мораль любил преступать...

—Господин Белькасем, или, простите, лучше Ваше высочество, все присутствующие ведь прекрасно знают, что Вы сын короля нашей страны, хоть стараетесь и не делать на этом акцента... И тем не менее, разве Ваши слова не противоречат логике Вашего родного брата, наследника престола, который в этом году защищает докторскую по политологии... Так уж вышло, что мы с ним работаем над одним и тем же проектом, я успела познакомиться с его видением данной проблемы... Так вот, он не усматривает в логике сохранения архаичности племен блага для современного, процветающего государства, каким Марокко желает себя видеть в обозримом будущем...

Она смотрела с вызовом, смело... И в то же время с поволокой в глазах Эта цветущая, спелая, как вишня, стерва

хотела Белькасема... Иштар чувствовала исходящие от нее женские флюиды всеми своими фибрами...

– Мое происхождение здесь вовсе ни при чем, мадам (прим. обращение на французский манер, принятое в ряде арабских стран к замужним женщинам)...-сделал паузу, предлагая ей заполнить ее, представившись...

–Аниса (араб.– обращение к незамужней девушке), – многозначительно ответила та, желая подчеркнуть, что не состоит в браке,– Басант... Басант Хури...

Туарег чуть заметно улыбнулся. Буквально на секунду.

–Йя (араб.– обращение) аниса Басант Хури, возвращаясь к Вашему вопросу, я выступаю здесь как человек, хорошо знающий пустыню и ее народ. Всего лишь... Меня попросили озвучить мое личное мнение о социально-племенной интеграции в жизни нашей страны, я его озвучил. Если у Вас есть какие-то вопросы к моему брату и его видению, Вы можете при okazji их ему задать, тем более, что занимаетесь общей темой... Но уверяю Вас, если Вы попытаетесь посмотреть на проблему более глубоко, а не поверхностно-популистски, то принципиальных расхождений в моих и его словах не будет. Семья Кадафов никогда не видела в пустыне и ее жителях врагов. Это наивно. Пустыня- великая стихия, которая ежегодно наступает на несколько десятков метров. В ее законы нельзя вмешиваться, их нельзя изменить. Их можно только принять, сосуществовать, а еще использовать это самое сосуществование себе на благо...

–Просто... Я искренне не понимаю... - снова пауза, пыла у женщины хоть немного и поубавилось, но она явно не сдавалась,— пустыня дика и жестока... Неприветлива, если хотите, даже смертельна... А ее народы... Они ведь не уважают границ, не мыслят себя масштабами государства, не считают себя его подданными... Вы ведь знаете, что те же туареги населяют не только земли Марокко, но и близлежащие страны- Мали, Мавританию, Алжир, Тунис...— эта Басант в этот момент бросила острый взгляд на Белькасема. Иштар прекрасно поняла, почему. О том, что старший сын Кадафа имеет загадочное происхождение, знал едва ли не каждый. Но в силу определенных обстоятельств об этом не принято было говорить... А возможно, и попросту запрещено... Иштар полагала, что причина в болезненном восприятии факта кончины матери Туарега Кадафом, но кто знал...— Их безнаказанность и нежелание подчиняться законам правопорядка приводит к контрабанде, преступности, похищениям... Разве это на благо государству?

–И имеет немало плюсов...-перебил ее мужчина,— наличие туарегов, как и других бедуинских народов берберской группы, на всей материке позволяет нам решать немало вопросов, которые традиционными дипломатическими каналами бы требовали от нас месяцев подготовки и бессмысленных переговоров в помпезных залах... Просто потому, что отдельные народы, также являющиеся подданными Марокко, мыслят себя вне государственных границ в отдельных ас-

пектах...

– В отдельных аспектах... Верно подмечено... Не думаете, что вот эта двойкость и пугает всех нас, тех, кто с берега? Кто привык ассоциировать свое происхождение с финикийско-карфагенской культурой? Оседлым образом жизни... Я коренная марокканка, и я не понимаю пустыни, для меня она чужда и враждебна... – продолжала снова напирать Басант, прожигая Белькасема взглядом.

– Это либо дано, либо нет... С пустыней в сердце рождаются... Не так ли, ваше высочество? – резко перевел взгляд на Ташу мужчина, – Иштар бинт Нуреддин Макдиси-Кадаф сама происходит из старинного бедуинского рода, пусть и пустившего свои корни на другом континенте... Жена моего брата любит пустыню... Возможно, поэтому он и связал свою судьбу с ней, а не с марокканкой, раз среди наших девушек нет тех, кто столь страстно бы любил Сахару... Не так ли, принцесса?

Она вздрогнула, не потому, что все взгляды теперь были обращены на нее... Потому что теперь Он смотрел ей в глаза... Прожигал... Считывал каждую эмоцию, ловил каждый вдох и выдох... А еще эта двусмысленность... Или она ей только казалась?

– Что думаете на этот счет, госпожа Иштар? – усмехнулся, явно кидая ей вызов.

Иштар сглотнул ком.

– Я не специалист по племенам пустыни, – осторожно на-

чала она, стараясь ступать аккуратно. Про мнение своего мужа на этот счет она была прекрасно осведомлена, пусть Белькасем и пытался его несколько сгладить и дезавуировать сейчас в публичном пространстве... Говорить сейчас что-то вразрез его линии- как минимум навлекать гнев всей семьи, а то и чего хуже, вбивать клин, бросать тень на его авторитет... Ни для кого не было секретом, что политический курс Кадафов тяготел к постепенной интеграции племен в традиционную политическую систему страны, пусть они умело и прикрывали это громкими лозунгами о этническом и культурном разнообразии государства... А мнение Иштар...

–И все же... Вы не можете любить пустыню, и при этом избегать любви к ее жителям... Вам ли не знать, что долина смерти, как многие называют золотые пески эрга, полна жизни... Полна эмоций... Полна страсти... Полна воспоминаний...

Что он делал... Зачем? Провоцировал ее? Заставлял краснеть.. Заставлял... Вспоминать? Забавлялся...

–Эмираты- это тоже пустыня... Гораздо в большей степени, чем Марокко. Руб-эль-Хали почти полностью царствует над территориями моих предков... И да, наш выбор- не покорять пустыню, а жить по ее законам, принимать ее... И даже если мы говорим о строительстве новых городов, утопающих в зелени, каждый из нашего рода отдает себе отчет, что пустыня может забрать созданное человеком в любой момент... И в то же время, она наш союзник... Потому-то пу-

стыня- это намного больше, чем пустота и смерть...-Иштар сглотнула, невольно облизнув губы... Строки любимого автора сами полились из ее воспоминаний. Она смотрела в глаза Туарега. Теперь смело, решительно, открыто... Казалось, никого больше в зале не было, кроме их двоих... Время замерло... Мир замер... – «Мы подчинились правилам игры, и она преображает нас. Теперь Сахара – это мы сами. Чтобы понять Сахару, мало побывать в оазисе, надо поверить в воду, как в Бога»... Антуан де-Сент-Экзюпери... Француз, чье сердце раз и навсегда украла пустыня... Откройтесь ей... И она откроется вам...

Она говорила это не губами, но душой... И знала, обреченно знала, что он понимает ее... Возможно, никто больше в зале не понимал, а Он понимал... Из оцепенения ее заставила выйти декан, торжественно завершившая сегодняшней круглый стол. Ее довольное выражение лица и расслабленный тон говорили о том, что все ею задуманное удалось. Иштар вернулась к реальности, почувствовав навалившийся скрипящим по перепонкам треском гул аудитории. Зал снова ожил. Присутствовавшие норовили подбежать к участникам дискуссии и что-то спросить у них...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.